

An illustration of a prince and princess in a warm, golden light. The prince, on the right, wears a golden crown with a blue gem and a dark, ornate robe with gold embroidery. He has his eyes closed and is gently holding the princess's head. The princess, on the left, wears a white veil and a white dress with a red rose pinned to her chest. She also has her eyes closed and a serene expression. The background is dark and textured, suggesting a forest or a castle interior.

Юлия Ляпина
Женские
СКАЗКИ 1

Юлия Ляпина

Женские сказки – 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56556757

Аннотация

Пять хороших подруг попадают в любимые сказки, и все бы ничего – кто из нас не мечтал полетать на ковре-самолете или померить «жемчуга бурмицкие»? Да только не все так просто – для каждой любимая сказка становится испытанием душевных качеств, и каждой предстоит найти нет, не счастье, просто любовь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	31
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	55
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юлия Ляпина

Женские сказки

Книга первая

Пролог

Добрый волшебник тихо гулял по городу. Ему было грустно – люди совсем перестали верить в сказки, дети забыли волшебные слова и уже не мечтали одолеть Чудо-Юдо трехголовое. Старушки вместо добрых сказочек про зайчиков и белочек пересказывали слезливые мексиканские сериалы, а старички вместо повести о Бове королевиче могли подробно поведать внукам, какой футболист в очередной раз дал маху на поле. Грустный волшебник шагал по городу, и вдруг услышал чудесное и любимое слово «сказка». Поднявшись серым облачком на высоту третьего этажа, он заглянул в не зашторенное окошко.

На креслах и диванах за столом с чаем и тортиком расположились пять девушек – худые и не очень, светленькие и черноволосые, они разговаривали, прихлебывали чай из красивых белых кружек с изображением сказочного замка и смеялись. «Девичник, однако», подумал старый маг.

Потом прислушался – девушки вспоминали свои люби-

мые сказки, и волшебнику захотелось сделать для них что-нибудь хорошее, светлое. Пока маг раздумывал, что и как он может сделать девушки перешли на обсуждение желаемых женихов. Тут уж старик не стал раздумывать – наложил на красавиц заклинание, и ласково улыбаясь, отправился домой – завтра можно и поспать, выходной. А что бы и девушки отдохнули, добавил он заклинанию продолжение – как проснуться девицы красавицы, так и сработает.

Глава 1

Алена

Вчера мы опять собирались у Настюхи, нет ну конечно, в официальных бумагах ее имя звучало как Курчатова Анастасия Семеновна, но мы, с девчонками договариваясь о встрече, кратко сообщали друг другу, сегодня как обычно, у Настьки.

Нас пятеро – Настюха, Лилька, Васька, Машка и я Аленка. Все мы познакомились в уже достаточно зрелом возрасте – в выпускном классе школы, на подготовительных курсах призванных набить наши головы знаниями необходимыми для поступления в университет. Познакомились, подружились и вот уже восемь лет собирались где-нибудь каждую субботу. Попить чаю с любимым шоколадным печеньем, обсудить сначала любимые книжки и мальчиков, потом учебу и парней, потом работу и мужиков.

В общем, наши сборища это такой маленький клуб женской поддержки и взаимопонимания. Родственники неизменно удивлялись нашему регулярному совместному времяпровождению, и порой специально удирали из дома на дачу или в кино, дабы не мешать нашей шумной компании веселиться.

Иногда мы дружно пытались понять – почему мы до сих пор вместе? И пришли к простому выводу – потому что мы –

разные. И нам есть чему поучиться друг у друга. Не верите? Ну, посмотрите же на нас в обычной нашей жизни.

Привычка рано просыпаться сработала не хуже будильника – кое-куда захотелось. Не просыпаясь, я принялась сползать с кровати, и тут поняла, что ноги свисают в пустоту. Взвизгнув тихонько, что бы ни разбудить девчонок я постаралась открыть затекшие после вчерашнего ликерчика глазоньки.

И тут же резко села: что это? Где это?

Во-первых, кровать была высоченная, но матрас какой-то слишком мягкий, не пружинный, весь в пышных складочках грубой ткани. Девчонок вокруг не наблюдалось, зато наблюдалась бревенчатая стена, низкий подкопченный потолок и крохотное оконце затянутое непрозрачной пленкой. На подушке что-то блеснуло. Протянув дрожащую руку, я взяла обычную открытку, яркую, цветастую, из твердого глянцевого картона. Внутри красивыми завитушками расположился текст:

– Уважаемая Алена! Ваше желание исполняется, вы попали в свою любимую сказку – «Иван Бесталанный и Елена Премудрая». Здесь вы будете находиться, пока сказка не будет логически завершена. Приятных вам приключений!

Подпись: Добрый Волшебник Мироф.

Несколько минут я еще честно надеялась, что это чей-то подлый розыгрыш, потом принялась рычать и костерить все на свете – от любимых тапочек, до коварного ликера. Но вре-

мя работало явно не в мою пользу. И что теперь делать? Рычи не рычи, а кое-куда все равно хочется, будем действовать по обстановке.

Я спрятала открытку под перину, и попыталась осторожно сползти с кровати. О, а тут оказывается, специальная скамеечка есть, на три ступеньки, жаль, раньше не знала. В процессе сползания длиннющая, до самых пят широкая рубаха собралась едва ли не до пояса, и свилась с рыжей косой, свисающей где-то в районе колен.

Нет у меня и раньше коса не плохая была, чуть ниже лопаток, я ее правда редко плела, на работу чаще модный пучок делала, или «улитку», а дома просто в хвост собирала, быстрее получалось. Да уж, подарочек, это ведь еще и чесать надо!

Тут дверь скрипнула, явив мелкую девчонку лет десяти. Она тут же склонилась в поклоне:

– Боярышня, доброго вам утречка, умываться подавать?

Я автоматически кивнула и властным жестом отпустила девчонку, а потом с удивлением уставилась на руки. Таак, что это? Память тела? Ну-ка тело топай скорее, пока не взлетело! Прикрыв глаза, я действительно через пару минут обнаружила искомый уголок и с радостью в нем затворилась.

Мдааа, ну и фольклор, Машки на них нет!

Глава 2

Машка

Машка у нас происходила из очень интеллигентной семьи. Папа инженер – дорожник в молодости работал за границей, и сохранил легкий европейский лоск и стильные очки в малозаметной оправе.

Мама, просидевшая часть времени с детьми (у Машки была еще младшая сестра), оставшееся время проводила в должности историографа в местном краеведческом музее.

Мечтой Машки была докторская диссертация. Училась она на немодную профессию историка – этнографа, и после окончания института устроилась работать в областную библиотеку – что бы спецфонд был под руками, и день не слишком занят. Родители доченьку всячески поддерживали в ее стремлении стать профессором, и вот дожилась Машка до двадцати шести лет, так ни с кем толком и не поцеловавшись.

Тем временем как младшая сестренка пускалась во все тяжкие, доводя родителей до седых волос.

Мария неплохо рисовала, и даже окончила в свое время художественную школу, но ее коньком были орнаменты, задумавшись, она, так расписывала поля своей рукописи, что я и Васька замирали от восторга.

Аленка

Потом девчонка принесла таз с горячей водой, я умылась

и даже вычистила зубы толченым мелом. Потом уселась на мягкую скамью у окна, и малявка принялась разбирать мне волосы.

– А что, тятенька еще не вернулся? Спросила я задумавшись.

– Нет, боярышня, не видать еще. Завтракать здесь изволите, или в горнице подавать?

Эх, не завтракаю я, талию берегу, но кто его знает, как тут принято?

– Сюда подай, грустно мне что-то о тятеньке волнуюсь.

Закончив плести косу и стянув ее алой лентой, девчонка шустро убежала и вернулась с резным берестяным подносом – хлеб, по счастью грубый, какая-то каша в миске, мед, стакан молока, годится. Молоко оказалось парным, фу, гадость! Хлеб вроде ничего, но совсем не соленый! Кашу даже пробовать не рискнула, обмакнула кусочек хлеба в мед и на том успокоилась.

Тем временем чернавка спросила:

– Одеваться изволите, боярышня?

Мне оставалось лишь кивнуть, в надежда, что она знает, что нужно. Так и оказалось – девчонка разложила на сундуке три рубахи. Одну полотняную, тонкую, едва ли не марлевку, длинную чуть ниже колен и без рукавов, это видно ниже нее белье здесь. Вторая рубаха была из изумрудного шелка – все верно, глаза у меня зеленые. У этой были длинные рукава, которые полагалось прихватывать широкими выши-

тыми манжетами. Третья часть была видимо платьем – сарафан из серебристой парчи с бархатными аппликациями и жемчужной вышивкой. Длинные рукава пришнуровывались и тащились едва ли не по полу. Особенно хороши были пуговицы, украшающие переднюю полочку – дутые, серебряные и в каждой зеленый камушек, похожий на хризолит.

С ловкой помощницей я все это скоренько натянула, оставив безразмерную рубаху на лавке. К платью прилагались вырезные кожаные туфельки, и тонкие длинные вязаные носки. Вдруг издалека раздался шум и гам, девчонку как ветром сдуло, только дверь хлопнула. Я, призадумавшись, осталась на месте – насколько я помнила сказку, Елена Премудрая там появляется уже тогда, когда Иван Бесталанный к ее батюшке в гости заявился, а батюшки дома и нет, значит рано мне пока на сцену. Через пару минут дверь вновь открылась, и давешняя девчонка скользнула в комнату:

– Там батюшка ваш пожаловали, устали очень, сказали сначала в баню, да и обед туда подать велели, а уж потом к себе позовут.

Я едва успела кивнуть – девчонка вновь скрылась с глаз, а я и призадумалась: мне то, что делать? Без дела как-то непривычно, хоть бы книга, какая подвернулась, скучно же! Вот Лилька сразу бы себе работу нашла, и других работать заставила!

Глава 3

Лилька

С Лилькой все было мутно и сложно. Мы познакомились, когда ее родители разводились. Тягостное и нервное это было действие. В итоге Лилька с матерью оказались в комнатке общежития, милосердно предоставленной заводом, на котором мать Лилии работала бухгалтером.

Поступление в универ было для нее шансом пробиться куда-то самой без помощи отца, которого она стала презирать всей душой. Отучившись на истфаке год, она перевелась на заочное отделение и занялась бизнесом – сначала пыталась участвовать в сетевом маркетинге, потом перекупала китайские и турецкие шмотки у челноков, потом открыла киоск с подержанными вещами из ближнего зарубежья.

К окончанию института Лилька вполне законно являлась частным предпринимателем, и владела парой киосков – один был набит разной канцелярией, в нем делали копии и распечатывали курсовые бедным студентам. Второй перерос в изящное строение красного кирпича с пафосным названием «Мгновение заботы», и торговал постельным бельем и х/б тканями в розницу.

Мама Лильки наслаждалась уютом маленькой однокомнатной квартирki в историческом центре города, а дочь недавно выплатив последние долги по кредиту, примерива-

лась к симпатичной квартирке для себя.

Аленка

Оглядела я свою спальню – комната как комната. Кровать высоченная потому, что на приступочке стоит, возле нее трехступенчатая скамеечка. А вот это уже интереснее – у окна стоит столик покрытый скатертью в два или три слоя, а на нем знакомые по картинкам вещи – стаканчик с гусиными перьями, книга в кожаном переплете, пузатенькая чернильница и красивое зеркальце в овальной рамке с ручкой.

Откинув подальше длинные рукава, я уселась к столу на мягкий стул с резной спинкой. Поерзала, вроде бы удобно. И так, что тут у нас? Открыла плотную светлую обложку и уставилась на непонятные каракули. На старославянский язык не похоже, на русский тем более, вроде бы и знакомые очертания букв, а разобрать не могу. Полистала, картинки есть, но странные – расплываются в глазах, лишь иногда, краем глаза выхватываются пейзажи или странные конструкции из колб и реторт.

Утомившись, потянулась к зеркалу, поправить волосы, да заодно и на себя посмотреть – вдруг не только коса переменялась? Лицо в темноватом зеркальце было знакомым, правда, не накрашенное совсем, но кожа стала белее, словно не лето на дворе. И волосы кажутся ярче, цвет не морковный, а этакий благородный коньяк, с золотистой рыжинкой. Веснушек не видно, а ведь пока не загорю, они у меня весь нос усыпали. И глаза мои обычные – зеленые, но с такой искрой.

В общем, есть на что посмотреть.

И тут когда я укладывала зеркальце на стол, собираясь осмотреть хорошенько и фигуру, заметила в нем знакомые буквы. Знакомые? Ну да, оказывается, текст в книге написан зеркально – в зеркале его отлично видно! Обрадовавшись, я принялась разбирать, что там написано. Незаметно придвинула к себе стопку бумаги, взяла перо, к счастью кем-то уже очиненное и разрезанное, и принялась делать пометки.

Кое – где в тексте встречались малопонятные значки – не картинки, а символы. Помнится, мы еще в школе ребусами увлекались, попробую разобраться, только нужно все аккуратно выписать, систематизировать, возможно тут привязка к страницам в книге, а не к тексту. В общем, я увлеклась. И когда услышала сзади легкое покашливание, подпрыгнула едва не до потолка. Сзади стоял высокий худой мужик неопределенных лет, но даже под длинной седой бородой я не могла его не узнать:

– Пппапа?

– Что Еленушка, заработалась? Премудрая ты моя! Со-скучилась? – проговорил он в ответ.

Я слезла, как сумела со стула и на затекших от долгого сидения ногах встала покачиваясь. Что делать? Обнять, прижаться щекой, как привыкла дома? Но к счастью все решилась само собой, мужик присел на лавку, и устало прикрыл глаза.

– Устал я доченька, тяжело мудрость по земле собирать,

как ты ту хозяйствовала?

Я неопределенно пожала плечами – за пару часов похозяйствовать ничего не успела, даже из комнаты не выходила.

– А книга мудрая как? Разбираешься?

Вот тут мне было что сказать:

– Ну, кое-что прочитала, основной текст – это советы по хозяйству: домоводство, заготовки, даже список приданого для дочери есть, а вот второй слой пока не прочла, шифр сложный не могу привязку найти.

– Не спеши, Премудрая, не спеши, там еще и третий слой может оказаться.

– Ой, пап, точно! Троическая система, а я-то пыталась...

Кинувшись к столу, я стала подбирать пришедший в голову код, и не заметила, как отец вышел из комнаты.

Глава 4

Лилька

Хорошо с девчонками посидели, взгрустнулось немножко – на всех родители давят, у всех требуют внуков. У нас компания по всем параметрам необычная – и дружим долго, и не ссоримся. Может потому, что все мы в своих семьях или старшие, или единственные, и у всех столько в жизни понакручено, что и с лопатой не разберешься.

Вон Аленка, от хорошей ли жизни своего шефа терпит? Ответственная она, сестре учиться надо, братьев тянуть, родителям помогать, ни у кого не просить.

У Васьки вообще комплекс вины, тщательно взращённый близкими – «Ты не оправдала наших надежд»! – называется.

Ох, Машке, пожалуй, полегче, у нее родители внуков не требуют, зато и парня рядом с нею увидеть боятся – сразу положительный пример для младшенькой сестрички пропадет! А то, что Аньке плевать на все примеры, и не успеет школу закончить – замуж выскочит, или просто так родит, их не волнует, главное, что бы Машка себя блюла.

Вздыхнув и поворочавшись, Лиля, наконец, уснула, а проснувшись, хлебнув соленой воды. Забившись в попытке удержать равновесие, услышала резкий неприятный крик. Глаза открылись, но как-то странно – присмотревшись, девушка поняла, что легче смотреть одним глазом, а поче-

му непонятно. Вдруг плечо рванула боль. Вскинув голову, Лилька закричала:

– Ааааа убивают!

И опять услышала резкий крик рвущий нервы. Над головой Лильки носилась огромная черная птица, и это ее когти причинили такую боль. Вскрикнув еще раз, Лилька хотела убежать, но тут поняла, откуда во рту неприятный горько-соленый вкус (ликер оказался не причем, зря его мысленно посылала в тартарары).

Вокруг было море. Не мутно – серое и грязное, а прозрачно – зеленое, огромное, колышущееся под ногами. Как под ногами? Автоматически уворачиваясь от разъяренной птички (гриппом заболела, что ли?) девушка посмотрела на себя и чуть не нырнула в эту сине-зеленую прелесть навсегда. Грудь была покрыта перьями! Издав еще один неблагозвучный крик (так вот кто это так орал!), царевна-лебедь резко уклонилась подняв крыльями тучу брызг и стала старательно выглядывать берег и князя Гвидона.

Так, где этот малолетка шляется? Меня ж сейчас утопят, или сама кровью истеку, мне к врачу надо! И потом, он ведь и не князь пока, вот если сейчас не появиться – точно князем ему не быть! Вдруг откуда – то сзади и впрямь прилетела хиленькая самодельная стрела и удачно попала чокнутой птичке в шею.

Лилька быстро добила конкурента крылом по башке и оглянулась. На белом песочке пляжа стоял парень в длинной

белой рубаше, почти до колен, в руке у него болтался лук. Немножко странный парень – черты лица словно восточные, или скорее арабские – нос с горбинкой, черные брови, а вот глаза голубые, и волосы нежные светлые, льняные.

– Кхм, – прокашлялась Лилька, вроде бы получается, звуки похожи на человеческую речь. Что там по тексту?

– Ты царевич мой спаситель,

– Мой могучий избавитель...

– Ага, счас, могучий, тощий как глиста, не кормят его что ли? Бухтела про себя Лилька, пока нежный голосок в ее исполнении выдавал Пушкинские фразы.

Наконец лебедь птице пришла пора взлетать и убираться неведомо куда. Замахав крыльями Лилька закрыла от ужаса глаза – высоты она боялась, и врезалась в того самого «могучего избавителя». Парня снесло, лебедь птица крупная, а уж на взлете...

Когда оба очухались, оказалось, что у царевны-Лильки помято крыло, и нога как-то подозрительно хрустит, и вообще, жрать хочется.

– Эй, царевич, а вы с маманей тут вообще, как живете?

– В бочке. Вздохнул парень.

– Что, правда? Я хочу это видеть!

– Ну, пойдём... те?

– А далеко? Я тут ногу кажется, подвернула.

Вздохнув еще раз, царевич закинул лук на плечо, а лебедку взял на руки. Шагов через сто Лилька узрела огромную, в

три человеческих роста бочку, частично вросшую в землю. На реденькой травке возле бочки сидела молодая блондинистая дамочка, лет не более тридцати с хвостиком. Одежда у нее была странная – простая рубаха, как и у царевича, и куча украшений, похоже, золотых, да еще и с камнями. Особенно радовал кожаный воротник расшитый жемчугом и рубинами.

– Что сынок, обед поймал?

– Нет, матушка, она говорящая, может вам веселее будет.

Почтительный сын спустил лебедку на землю и отошел в сторону, мол, ваши женские беседы меня не касаются.

– Здравствуйте, – воспитанно поздоровалась Лилька.

– Здравствуй, коль не шутишь.

– Какие шутки?

– Да мы тут уж сколько лет живем, живой души не видели.

– Надо же, и впрямь, бочка! А вы долго в ней болтались?

– Долго, вздохнула женщина.

– Тяжко пришлось? – посочувствовала Лилька.

– Тяжко.

Вздохнула царица, тоскливо глянув на горизонт. Лилия едва не прослезилась от этого любящего и все понимающего взгляда. Мать царевича неудержимо напоминала ей кассиршу Светку в ее собственном магазине. Светка в семнадцать лет выскочила замуж по особому разрешению, родила дочку, а в восемнадцать благополучно развелась, но все еще любила идиота, бывшего муженька, и вздыхала по нему каждый раз,

как он проходил мимо ее дома, а жили они в одном районе, и обо всех его похождениях кумушки ей охотно докладывали.

– И как же вы выбрались?

Женщина усмехнулась:

– Так по закону мне все украшения и подарки сложили, что султан подарил, вот я кинжальчиком дареным одну доску и отковыряла, три дня долбить пришлось.

Лилька уважительно присвистнула, толщина клепок впечатляла.

– А так это вы его подарки носите, покивала Лилька лебединой головой. А одежда?

– Да платья от морской воды быстро истлели, пресной здесь мало, пришлось самой ткать. Я умею, султан меня из простой семьи взял, возвысил, а до свадьбы я лучшей пряхой в нашем околотке была.

– Ага, – Лилька вдруг вспомнила сказку, а здесь нигде по близости города нет? Не знаете?

– Остров пустой, но думается, где-то недалеко город есть – иногда море вещи выбрасывает, сети.

– Понятно, ладно, спасибо за приют, надо мне свое обещание выполнять, сына вашего награждать.

– За что?

Удивилась женщина.

– За меткую стрельбу по злым волшебникам, – вздохнула лебедка и на этот раз более успешно взлетела.

Глава 5

Васька

Устала я сегодня, пришлось дополнительные занятия вести – через три дня соревнования, а Димка Брагин заболел, вот его группы мне и скинули. Хорошо хоть родители к бабушке уехали, отосплюсь завтра. Наверное, зря ликер пила, но вкусный, ничего, лето, холодная вода есть, выживу.

Проснулась от толчка.

– Ква!

– Девчонки, чего пихаетесь? Ква – ква!

Распахнув глаза, Васька наблюдала за проплывающими над головой облаками. Странно, вчера ведь у Настьки спать легли? Попыталась резко вскочить и шлепнулась на что-то приятно мокрое и холодное.

– Ква?

Огляделась, сию на листе то ли кувшинки, то ли кубышки, то ли еще какой болотной травы. Лист широкий, а то во что я лапами зелеными вцепилась – стрела. Так, дышим глубоко и ровно: раз-два, раз-два, а теперь еще раз глазоньки открыли и вокруг посмотрели. То же самое. Значит не глюк, не алкоголь, а просто объективная реальность.

– Мама! Ква-ква!

Тут в поле зрения появился выюнош – в клюквенном кафтане, в высокой шапке с меховой оторочкой, в высоких са-

погах с затейливо украшенными голенищами.

– Эх, вздохнул он как-то особенно громко и безнадежно в наступившей на болотинке тишине.

– Где же я буду здесь невесту искать?

Тут он обнаружил стрелу, а на ней намертво зацепившуюся Ваську.

– А вот и невеста моя, судьбой даденая!

Обрадовался блондинистый малолетка. Ухватил стрелу вместе с лягушкой, сунул зеленую в рукав, а стрелу в расписной колчан, и пошел, старательно обходя бочаги с водой. Васька тряслась в теплом суконном рукаве и размышляла – что это за каша с мясом? Почему она стала лягушкой? И пацанчик еще этот, зачем он на лягушке жениться собрался?

Тут сквозь плотную ткань до нее донеслись голоса:

– Вот батюшка невеста моя, дочь боярская!

– Вот батюшка невеста моя, дочь купеческая!

– А ты Иван, чем порадуешь?

– Вот батюшка, невеста моя, лягушка болотная...

Ваську неловко вынули из рукава и представили трем бородатым мужикам: один был седой, в узком золотом венчике с тяжелым золоченым посохом в руках. Два других были моложе – правый мог похвастаться окладистой черной бородой и неплохим перегаром, у левого борода была рыжая, и пахло от него не лучше – вчерашним перегаром. Одеты, правда, оба были богато, а рядом с ними подвизались две девицы в таких же ярких одеждах. С испугу Васька вцепилась в

ладонь пацана, и жалобно квакнула. Седой мужик подозрительно взгляделся в лягушку, а два помоложе вообще руками замахали: уйди прочь, белочка зеленая, не вызывали!

– Что ж быть по сему! Объявил седой. Завтра свадьбы играем! Готовьтесь!

Ой, мамочки, тут то Васька и вспомнила вчерашние разговорчики... Дернул же черт за язык! Безусый паренек сунул Ваську опять в рукав, поклонился и потащился нога за ногу неведомо куда. А Васька все размышляла, как можно выкрутиться?

Минут через двадцать Иван поднялся по лестнице в свой терем, и усадил зелень болотную на стол:

– Эх, лягушка, как же я на тебе женюсь то? Люди ж засмеют!

Чаша Васькиного терпения переполнилась: и этот туда же, молоко на губах не обсохло, а претензии как у взрослого!

– Ну и оставил бы меня в болоте! – хрипло выдавила она.

– Так ты говорящая! – подпрыгнул пацан.

– Я вообще девушка, заколдованная, неслух! А тебе, не рано ли жениться?

– Рано. Вздохнул парень, да братья тятю пожаловались, что это я трактир на Сенной дороге поломал и три воза сена спалил, вот он и осерчал, велел всем жен искать.

– Ясно, подставили, значит. Слушай, Иван, тебя ведь Иван зовут?

– Угу.

– А лет то тебе сколько?

– Пятнадцать.

– Эх, да ты совсем пацан.

– Почему это? Надулся парень.

– Так я тебя на десять лет старше, мне двадцать пять уже...

Голубые наивные глазки едва не выпали из орбит:

– Так ты старая уже...

Протянул парень разочарованно.

– Ага, старая, так что давай договоримся – ты завтра на венчание другую лягушку возьмешь? Поздно мне уже замуж.

– Неее, протянул парень, надувая губы, тятя сердиться будет, он тебя уже видел, да и судьба ты моя...

– Вань, а Вань, да я тебе в мамки гожусь!

– Не, в мамки – нет, в тетки разве что, да у меня и братовья такие же, старые.

Парень улегся на высоченную кровать прямо в сапогах.

– Ты чего это, а ну сапоги сними!

Привычно скомандовала Васька, братец вечно в обуви на кровать заваливался. Парень шустро смелся с кровати, видно интонацию Василиса выбрала правильную, и стянув сапоги лег снова.

Ой, делать то чего, делать то? Забегала лягушка по столу биясь головой о толстую книгу валяющуюся тут же. Недоросль этот женится и все, куда ж я от него денусь? И на уговоры не поддается... Эх, ладно, рискнем!

– Вань, а Вань, а чего к завтрашнему дню готовить то надо?

– Да мне все слуги приготовят, они знают, а тебе чего готовить? Ты ж не девка – косу не чесать, наряды не примерять?

Удивился царевич.

– Ага, ну хоть корону маленькую сообрази, да фату, все ж невеста! А то я и не прикрытая ничем! Возмутилась Васька.

Парень с интересом на нее посмотрел, встал, и приоткрыв двери крикнул какую-то Васильевну. Вошла строгая бабка в черном сарафане и глухом платке.

– Васильевна, батюшка меня завтра женить изволит, ты того, невесту собрать помоги!

И Иван махнул рукой в сторону лягушки. К чести ключницы в обморок она не упала, посмотрела на Ваську пристально и, поклонившись, слегка унесла ее с собой. В большой душно натопленной горнице старуха усадила лягушку на стол и, осмотрев, полезла в большую шкатулку, приговаривая:

– Негоже невесте без украшений то.

Покопавшись, достала несколько затейливых, но тяжеловатых украшений. Примерила, покачала головой, и слазив в небольшой сундучок достала маленькую серебряную корону – как раз крупной лягушке надеть. На изумленный Васькин взгляд пояснила:

– Для куколки делано, боярышня моя очень любила куклу

свою, и наряжала как себя. Вот взял ее царь – батюшка в жены, так она и куколке корону заказала.

Васька онемела, во сколько ж боярышню замуж выдали, коли она еще в куклы играла?

Старуха, тем временем покопавшись в том же сундуке, вынула меленькое нарядное платье и фату. В платье лягушка все же не влезла, а вот фата и такой малиновый бархатный плащик, старуха его «летником» назвала, подошли. Довольная ключница сложила приготовленные вещи на стол, потом полезла опять в сундучок и вынула кукольную постель:

– Здесь ляжешь, с женихом то в одной горнице спать нельзя.

Ваське оставалось лишь кивать. Еще часа два ключница рассказывала Василисе о царе – батюшке, о братьях Ивана, беспутных, да о покойной царице – матушке, которая, оказывается, была у ключницы на воспитании. К концу рассказа утомленная духотой Васька уже спала.

Настя

Настя единственный и любимый ребенок в семье. Голубоглазая блондинка с умильными кудряшками. В одиннадцатом классе она носила тяжелую пушистую косу, но едва получила диплом – тут же пошла в парикмахерскую и обкорналась «под мальчика». Родители стоически смолчали, а уже через неделю освобожденные от тяжести кудри завились так, что парни взгляд не могли оторвать от милого сдобного личика а-ля херувим со старинных открыток.

В университет Настя поступила благодаря связям своего папы – полковника милиции, естественно поступила на моднейшее юридическое направление, и честно тянула лямку пять лет.

Нет, дурой она не была, лишь умело прикидывалась, и экзамены да зачеты худо- бедно сдавала. Но ее истинной страстью было рисование. Стоило в ее руки угодить простому карандашу или гелевой ручке, все доступные поверхности оказывались, исчирканы гибкими эльфиечками, брутальными мачо и любимым Настькиным киношным героем Кери Хироюки Тогавой.

Поэтому промучившись, пять лет «в тисках юриспруденции» Настасья объявила родителям бойкот – или она поступает на отделение дизайна, или уезжает работать по специальности в самую страшную колонию области – туберкулезную. Родители дрогнули и позволили любимому чаду делать все, что той заблагорассудится.

К тому времени, расторопная бабушка, оставила Настеньке неплохую, чистенькую «хрущевку» «на присмотр», а сама переехала в деревню – на парное молочко и свежий воздух. У нас появилось абсолютно роскошное место для наших «девичников», и возможность издеваться над ушами соседей сколь угодно долго.

Аленка

Итак, мы собирались у Настьки, как всегда, в субботу в пять часов. Издалека подбегая к подъезду, я увидела Машку

с толстой папкой подмышкой, и замахав ей рукой услышала сзади холодное:

– Девушка, дайте пройти!

Мимо меня протопала сурового вида бабка, таща на прицепе симпатичного мальчишку неопределенного возраста. Кто их знает, три ему или пять? Мелкий, розовощекий, с обслюнявленным чупа-чупсом в кулаке. Пока я «сторонилась» подъехала вишневая «нива» и из ее недр пиликнув брелком, появилась Лилька. Кого еще нет? С другого угла дома бежала, Васька с огромной спортивной сумкой, снова деточки напросились на дополнительные тренировки, забыв, что их милой тренерше противопоказаны длительные двигательные нагрузки и сырость.

У Лильки в руках была коробка – опять нас чем – ни будь вкусным, решила побаловать? Я волокла в своей сумке обычную пачку печенья и любимый красный чай с шиповником. Остановившись, дождалась Машку и Ваську, и вместе с Лилией стали названивать в домофон:

– Але...

Пропел томный голос Настасьи.

– Але-у.

Пропели в ответ мы хором.

Хихикнув, Настька положила трубку, и приборчик запиликал, открывая замок. Ввалившись в узенькую прихожую с металлической вешалкой и вытертым резиновым ковриком – все наследство бабушки, которое Насте было лень менять,

мы дружно затопали в ванную комнату, «освежиться».

Умывшись, потолкавшись и поправив скудные намеки на прически, потянулись в большую комнату. Вообще мы чаще почему-то сидели в спальне – там стояла огромная старинная кровать с металлическими позеленевшими шишками и ворохом тюлевых покрывал. Тут же висела на стене гитара – ее по очереди терзали Васька и я, иногда Настя тоже брала аккорд – другой, но больше из желания не отставать.

Рассевшись где кому было привычно и удобно, мы стали смотреть, как Настя накрывает на стол. Вот тут она мастерица – красиво расставит вазочки и розетки для варенья, из простой газеты навертит легкокрылых бабочек или мини – копии Эйфелевой башни, а мы потом куска проглотить не можем, боясь потревожить эту красоту.

Ну так и знала! Лилия опять привезла торт! Ну сколько раз ее просила! У меня лимит на костюмы, а после субботнего угощения ни в один талия не помещается! Вздохнув люблюсь красивым оттенком чая в моей чашке, Машка задумчиво отрезает себе огромный кусок и так же задумчиво начинает поглощать – ей плевать на талию, единственный аксессуар, за которым она следит – это духи. Легкие цветочные ароматы окутывают ее облачком даже на даче.

Васька тоже тянется к угощению, бледная она сегодня что-то, опять нога разболелась? Да и просто усталость. Стремясь доказать родителям, что она полезный член семьи Васька набирает часов и индивидуальных тренировок столько, что по-

что ни где не бывает кроме бассейна. Сама Лилия на торт даже не смотрит – она любит шоколадное печенье, и вместе с Настей они быстренько растаскивают пачку по блюдам.

Так, что там у нас сегодня, чей черед рыдать? Как ни у кого не случилось печальной истории «с этим козлом»? Так, а как на счет хороших новостей? Тоже мимо? Значит сегодня вечер философских рассуждений, неспешного чаепития и раннего расползания по домам. Приготовились, кто начнет? Наверное, Машка!

– Девочки, у нас тут на семинаре было потрясающее исследование, речь шла о русских сказках. Конечно не только о русских народных, Пушкина рассматривали, Аксакова, в основном потому, что сюжеты они брали в народном творчестве, знаете, я была просто поражена!

– Хм, – Лилия поощряющее кивнула, тряхнув черной челкой.

Глава 6

Настя

Настя была в раздумьях – родители уехали, девчонки свободны, может всем вместе куда – ни будь съездить? Туда где можно хорошую компанию парней встретить. Все же вопрос крепкого плеча рядом Настю волновал, и даже очень. Внешностью конечно Бог не обидел, но и время идет, папа не вечен. Вздохнув, девушка пригубила ликер, если и не повеселиться, то хоть расслабиться было нужно.

После хихиканья над сказками и потенциальными женихами все засобирались спать. Настя уснула быстро, она любила смотреть цветные сны, и когда проснулась, не сразу поняла, что уже не спит. Вокруг была большая комната, гораздо больше длинной и узкой спальни хрущевки.

Оглядевшись, Настя как дизайнер поняла, что вокруг совсем не стилизация, и яркие росписи на стенах, и ковры, и иконы в тяжелых серебряных окладах в углу. Сундуки и скамьи так же устланные коврами, маленькие столики, и нечто напоминающее раму на подставке – подойдя ближе, Настя поняла, что это – пяльцы.

Большая рама с натянутым тонким кремовым лоскутом и начатым узором. Доселе не очень интересовавшаяся процессом рукоделия Настя вдруг уселась на мягкую скамью с подставочкой для ног и принялась нанизывать мелкие жем-

чужинки и укладывать их в сложные завитки толи листочка, толи веточки. Скрипнула, приоткрываясь, дверь, заглянула женщина в высокой кике:

– Настасья Степановна! Да что ж вы с утра, не умывшись, не покушавши, уже за рукоделие!

Всплеснула она руками и скрылась. Пока удивленная Настя останавливала свои руки, женщина вернулась с кувшином, тазом, полотенцем и прочими женскими нужностями. Помогая одеваться – умываться она непрерывно стрекотала, что батюшка уже в горнице сидит, дочерей к завтраку ждет, сестрицы тоже встали, собираются. Гордея Степановна прихорашивается, тут нянька сморщила нос, а Любава Степановна кудри чесать изволит.

Когда одетая и причесанная Настя спустилась из «терема девичьего» в горницу, она очень удивилась. Как все вокруг просто и непосредственно. Большие двустворчатые двери распахивались прямо в сени, а сени в свою очередь прямо во двор, в котором громко перекликались мужики, грузившие в телеги мешки и сундуки. Тут же мелькали бабы в темных платках с ведрами или корзинами в руках, бегали босонogie ребятишки в длинных серых рубашонках, ярко сияло солнышко, и квохтали куры.

За столом, накрытым парчовой скатертью сидел крупный коренастый мужик с опрятной черной бородой и усами. Перед ним стояло блюдо с засохшими остатками мяса и хлеба, кубок, похоже, серебряный и изящный узкогорлый кувшин-

чик. У стола тусовались две особы женского пола. Настя к ним присмотрелась: одна, высокая, худощавая с длинными черными волосами, затейливо заплетенными в косу со всевозможными привесками. Выражение ее лица говорило скорее не о гордости, а о сухой практичности, такая десять раз подумает, и во всем найдет свою выгоду, и плевать она хотела на чувства и эмоции других людей, даже на отца смотрит равнодушно, как на банкомат.

Вторая девушка была забавнее, этакая пышечка, явно увлекающаяся сладким, впрочем, Настя тоже особой стройностью не отличалась, все было при ней, как говорится. Волосы на голове второй девушки курчавились, но были редковатые, поэтому, наверное, вместо «коруны» как у Гордеи, Любава носила кокошничек «ведерко» и тонкую фату прикрывающую затылок.

Обе сестрицы отнеслись к Насте индифферентно, как впрочем, и она к ним – рассмотрела, оценила, и ладно. А вот «отец» честной купец Степан Емельяныч ее очень заинтересовал – еда возле него давно остыла, сам он устало смотрел в список каких-то покупок, и явно не ложился всю ночь. Поискав глазами, Настя остановила невысокую женщину в темном сарафане и строгим голосом велела:

– Ступай на кухню, вели юшки горячей принести, да пирогов сдобных, да мяса копченого. Все на подносе серебряном, да вина сладкого заморского подай!

Женщина, поклонившись, тот час, убежала, а Настя, со-

брав посуду и холодные остатки, сунула их в руки другой пробегающей девке и велела на кухню снести. Гордея на это лишь усмехнулась, мол, подлизываешься?

А Любава смотрела широко открытыми глазами, боясь вздохнуть от восхищения. Похоже, она отца побаивается. Когда принесли поднос, Настя подвинула его ближе к «отцу» и принялась уговаривать:

– Государь мой батюшка, отведайте-ка похлебки горяченькой, враз очи посветлеют (как хорошо, что Машка им частенько этот ласковый приговор сказочный пересказывала, вот и пригодилось!).

Купец нехотя взглянул в сторону миски, над которой курился ароматный парок, посидел, сглотнул слюну, и решительно отодвинув свиток, ухватил ложку. Пока Степан Емельянович ел, Настя одним глазком заглянула в куски пергамента и бумаги, лежащие на столе, эх, сюда бы Лильку, враз бы разобралась! А пока будем сами выяснять, что случилось. Подождав, пока купец наелся, и действительно посветлел лицом, Настя в который раз мысленно поблагодарила маму. Именно ее знание жизни не позволяло в их семье разговоров на голодный желудок – поел, сердцем подобрел, таков был девиз хозяйки.

– Государь ты мой батюшка, завела Настя знакомую пластинку, ты поведай мне свои печали неминучие, от чего так хмурится лоб твой ясный?

Купец бросил на нее взгляд искоса, потом видно подумав,

ну куда девке в купеческие дела лезть? Принялся рассказывать о своих трудностях, а Настя, сидя рядом с удивленно распахнутыми глазами задавала ему «глупые» вопросы, тоже приемчик из маминого арсенала.

– А как же вы так далеко так быстро доедете?

– Ой, правда, так жарко? А как же шапки меховые? Голова не сварится?

– А зачем такой тяжелый сундук везти, лошади тяжело будет, золото ведь не мнется, не гнется и не ржавеет?

Купец усмехаясь отвечал на болтовню девичью, но в процессе спохватившись вызвал к себе помощников, велел перегрузить товар по-иному, закупить лёгких шапок, и рубах поболе. Да еще два три момента разобрал, записал. Довольная Настя, поклонившись отцу, вернулась в комнату, и села за вышиванье, подумав, что надо бы у Васьки или у Аленки спросить, как это рукоделие обзывается.

Васька

Васька, вообще то по паспорту Висельчикова Василиса Петровна, приколотись ее родители. Васька была из семьи спортсменов – папа бывший борец – тяжеловес, а в последствие, известный тренер ДЮСША. Мама – пловчиха с неплохими результатами, братик – штангист. Вот и никак было Василисе не пройти мимо физфака.

Но на пятом курсе с нею случилась беда – растяжение связок переросло в какую-то гадость со сложным медицинским названием. Так что сейчас Васька работает детским трене-

ром в бассейне, а для души выбирается раз в год на море, поплавать с аквалангом, поснимать подводный мир в упор. Как и Аленка, Васька увлекается вышиванием, а еще она классно играет на гитаре – разностороннее образование предписывало девочке из хорошей семьи еще и музыкальную или художественную школу.

Аленка

И наконец Стрижельникова Алена Николаевна. Я правда и по паспорту Алена, а вовсе не Лена, вот только гад – начальник упорно не желает этого замечать и продолжает меня величать Еленой Николаевной.

Я вместе с Лилькой поступала на истфак, мечтала изучать старинные рукописи и свитки, но на второй курс к нам пришел декан, и проникновенным голосом предложил желающим перевестись на факультет бизнеса и экономики, курс делопроизводства и организации рабочего процесса. Причем сразу на третий курс. Онемевшие историки трусливо попрятали головы в песок, а я единственная из нашей группы согласилась – и не прогадала!

Закончила учебу на год раньше и отец порекомендовал меня своему другу. После трёхмесячной стажировки в дебрях службы судебных приставов меня перевели в личные секретари к шефу. Шеф трудиться в администрации, и в зарплате я конечно выиграла существенно – купила себе пару правильных костюмов, научилась держать лицо, и раз в год выбиралась куда-нибудь подальше от суеты и шума.

Вообще компания у нас интересная еще и мастью – Машка и Лилия, жгучие брюнетки, Васька светло-русовая, почти блондинка, Настасья – вообще светленькая как тополиный пух, а я... Я рыжая! Вот!

– Вот мы рассматривали в качестве примера для анализа сказки Белозерского края, небольшая такая книжечка.

(Видела я эту книжечку, вполне себе классическое издание советских времен. Тонкая бумага, малюсенькие буквы, при 11 кегле можно было напечатать том толщиной в ладонь).

– Так вот, продолжала рассуждать Машка, там примерно половина сказок, где главный герой – дурак или царевич, не важно, но совершая абсолютные глупости, получает царевну и полцарства в придачу.

– А вторая половина? Полюбопытствовала Анастасия, хрустя печеньем.

– А вторая о мудрых женщинах, благодаря которым мужчины получают полцарства и жену в придачу.

– Ну, это вы девушка загнули с таким анализом – пробормотала я.

– Ну, хорошо, давайте рассмотрим ситуации на конкретных примерах! – Возопило наше кандидатское чудо.

Ну все, Машку понесло, тушите свет! Тонкий смуглый пальчик с розовым ноготком уперся в меня:

– Вот какая у тебя любимая сказка?

– Любимая? Хм?

Чем бы ее озадачить, рассказать, как шеф опять пытался меня притиснуть, выходя из кабинета? Старо и неинтересно. Вот! Вспомнила!

– Моя любимая сказка – «Иван Бесталанный и Елена Премудрая!»

– Премудрая ты наша!

Буркнула Лилька, вгрызаясь, наконец, в кусок торта. Васька уже отвалившаяся от блюда с шоколадными крошками с каким-то новым интересом меня рассматривала.

– Да! Это моя любимая сказка! Еще в детстве меня поразила бестолковость этого парня!

– Не бестолковость, а бесталанность! Вспомни, как там, в конце сказки все мудрование Елены счастья ей не принесло, а вот примирение с мужем вернуло все в законную колею, и даже родители их навестить пришли и дали на брак свое благословение! К твоему сведению в те времена, когда текст сказки окончательно сформировался, считалось, что без благословения родителей дети не рождаются – и заметь, детей у Елены и Ивана нет, хотя женаты они были довольно долго!

– Маш, не грузи, а? Пропищала я жалобно, меня шеф грузит каждый день как КАМАЗ!

– А мне интересно стало, вздохнула Настя, вот моя любимая сказка с детства «Аленький цветочек».

Мы покатались со смеху – действительно, заботливый папа готовый принести любимой дочери на блюдечке все, что она пожелает, а потом не менее заботливый возлюбленный,

появляющийся лишь для романтических бесед и вручения подарков!

– Ой, Настя, насмешила! Утирая слезки, едва не падала со стула Лилия, Васька звенела колокольчиком не в силах оторвать вздрагивающую голову от стола. Машка пыталась удержать скромную улыбку, но постоянно фыркала, и пыхтела. А я просто и откровенно ржала, представляя нашего ангелочка в сарафане до пят, с красненьким неопознанной формы объектом в руках.

Отсмеявшись, Машка даже комментировать Настину сказку, не стала, и так все ясно.

– А мне всегда Лягушка – Царевна нравилась, вздохнула Василиса, пересаживаясь на диван и растекаясь изящной лужицей по канадскому флоку. Какая она рукодельница и красавица, танцует, и вышивает...

– Совсем как ты!

Улыбнувшись, громко сказала я. Девчонки тоже заулыбались, качая головами, мы все знали, что после травмы Васька не танцует – нога быстро подворачивается, и потом приходится неделю носить повязки из эластичного бинта под укоризненными взглядами мамы и отца.

– А мне что-то сплошные бездельники нравятся, скривилась Лилька.

– А кто? Полюбопытствовала я.

– Гвидон, из «Сказки о Царе Салтане.» это я сейчас понимаю, как он хорошо устроился – один раз стрелу пустил,

а потом Царевна – Лебедь все ему из рукавчика доставляла, любой каприз!

– Ну, Васькин любимец тоже одной стрелой жену заработал, возразила я.

– Ну, Васькин хоть немного старался, по лесам бегал, с Ягой договаривался.

Похихикав, я прицепилась к Машке:

– Маш, а Маш, а тебе-то какая сказка больше всех нравиться?

– Да я классику предпочитаю, вздохнула Машка.

– Классику?

Сделали мы с Васькой большие глаза и переглянулись.

– «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» покаянно вздохнула будущий этнограф.

– Язык красивый, сюжет народный, и мультик классный...

Мы даже и хихикать не стали, и впрямь не поспоришь – классика.

Глава 7

И чего-то всем нам взгрустнулось. Хотя все мы дружно считали себя успешными молодыми и деловыми, был у каждой из нас большой такой минус – не было рядом крепкого мужского плеча, ни одна еще не примерила белое платье, и мысли эти все чаще наводили тоску.

Умница – Настя тут же залезла в старый секретер, переделанный в бар, и вынула бутылочку ликера. Девы заметно оживились – и впрямь, вечер субботы, можно и запить глупую женскую тоску парой глоточков сладкого под тортик. Лилька достала рюмочки, Васька пошарила в холодильнике и отыскала «набор студента» – смесь из орешков, изюма и банановых чипсов. Я по секретарской привычке вылила свою порцию в чай, и вдохнула ставший гуще фруктовый аромат.

Васка прихлебывала мелкими глоточками чередуя чай и ликер, Машка серьезно, как бурундук жевала чипсину, изредка дотрагиваясь губами до своей рюмки. Настя пила картинно, заедая тортиком. Лилия не церемонилась – выпила все сразу и продолжала болтать ложечку в чае. Спустя пару рюмочек хандра развеялась, и мы перешли к обычному разговору женской компании – о мужчинах.

Точнее Машка предложила нам нарисовать идеальный облик того мужчины, которого мы готовы не просто видеть рядом, а терпеть ежедневно. Вот вопрос. Девчонки начали

удивленно переговариваться:

– Маш, ну ты хоть параметры задай, так просто рассуждать неинтересно.

– Да, если только внешность – это одно, а если еще и характер, то это другое.

– И вообще, где нам умницам и красавицам столько нормальных мужиков найти?

– Да ладно нормальных, хотя бы перспективных!

– Хочется, конечно, с мозгами, но это как в сказке – или красивый, но дурак, или с мозгами, но чудище волосатое...

Мы опять дружно расхохотались, ибо претензии Марии к мозгам у мужчины уже знали. На третьем курсе она влюбилась в аспиранта с кафедры истории костюма. Аспирант был умницей, но обожал ходить в косоворотках, вязаных поясах и полосатых штанах, а кроме того был волосат как йети. Вот из-за этой обильной растительности Машка и боялась к нему подойти, робко поглядывала на семинарах и лекциях, и в итоге возненавидела всех мужчин с малейшим намеком на растительность на лице.

– Ну девочки, возмутилась Маша, ну давайте же серьезнее, мне и правда интересно, почему в народных сказках девушек еще могут красавицами писаными назвать, а уж мужиков исключительно по уму оценивают – или царевич, или дурак!

Девочки еще похихикали, и начали выстраивать внешность желаемых героев:

– Обожаю блондинчиков, особенно голубоглазых, томно протянула Лиля.

– Нее пропела Настя, брюнеты круче, а уж если глаза черные или там темно – карие держите меня семеро, зацелую!

Васька скромно хихикнула, она тоже предпочитала блондинов, но была согласна и на рыжего, или каштанового.

– Я за блондинов, высказалась Маша, они как-то добрее, безобидней, что ли.

– Эх, Мария свет Александровна! Так и останешься старой девой с таким представлением о мужчинах! Я все же брюнетов предпочитаю, зеленоглазых.

Припечатала я. Машка не обиделась, она, по-моему, специально культивировала образ «синего чулка» и иногда тайно наслаждалась своими страданиями.

Выпив еще по рюмочке, мы решили спеть – Настя притащила гитару, а Васька стала перебирать струны, играть мне было лень, мне хотелось петь. Странная тоска, поселившаяся под сердцем, срочно требовала выхода. Сначала, для затравки Васька сыграла «Зеленые Рукава». Мы молча слушали, погружаясь в волшебную мелодию, опуская ресницы, уходя в свои миры. Потом Васька заиграла своего любимого Бутусова: «Мы будем жить с тобой в маленькой хижине.». Затем инструмент перехватила Настя, она сыграла мои любимые «Белой акации гроздь душистые». Да-да вот так, у такой современной и стильной девушки такие замшелые представления о прекрасном!

Когда настал мой черед, и уж тут оторвалась я: «В траве сидел кузнечик, в траве сидел кузнечик!»! Вся хандра слетела и девчонки оживившись, стали громко подпевать, бедные соседи! Часам к одиннадцати, напившись и напевшись, мы стали решать – будем расползаться по домам, или останемся ночевать у Настасьи? За окном июль спать есть где, да и не впервой.

– А, сказала совсем зеленая Васька, меня все равно дома не ждут – родители к бабушке в деревню уехали, брат на сборах, недели три точно никто не хватится.

– Угу, зевнула Машка, меня тоже не ждут. Родители Аньку в лагерь увезли, а сами в леса рванули, раньше чем через три недели тоже не объявятся.

Машкины родители славились в нашей кампании как любители ходить в походы по неизведанным маршрутам.

– Так и меня не ждут, вставила я свои пять копеек, шеф мне отпуск подписал, на три недели, а хотел с собой на симпозиум взять. Но потом решил, что дешевле отпуском откупиться.

Я не стала докладывать девчонкам как долго и тщательно готовила все документы к этому симпозиуму, как заранее бронировала места и билеты, и как старательно намекала шефу на обворожительные формы заместительницы из соседнего кабинета. В итоге все сложилось – у меня честно заработанный отпуск и премия, а шеф на симпозиуме щиплет за задницу другую дуру.

Лилия только головой мотнула, все и так знали, что ее в общажной комнатухе ждать некому. Мама, радуясь новому благосостоянию, старалась не мешать дочери в надежде, что Лилька устроит личную жизнь, а Лилька, обжегшись на молоке дула на воду так старательно, что кроме грузчиков и экспедиторов своих магазинов мужчин не замечала.

– Ох, вздохнула Настя, какие вы все девушки свободные, впрочем, меня тоже никто искать не будет – папа с мамой в кои-то веки решили съездить во Вьетнам, и без меня.

– А ты чего не поехала?

Удивилась Васька, море манило ее всегда.

– Да просто лень было, пусть вдвоем побудут, а то мама опять с вопросами – когда замуж, хочу внуков покачать. Настя скривилась и принялась расправлять огромную кровать. Мы спокойно помещались на ней втроем, Машка предпочитала раздвинутую софу в большой комнате, и Васька обычно укладывалась вместе с ней.

Зевая и потягиваясь, умылись и разлеглись, кто где привык, Васька щелкнула выключателем, утро вечера мудренее!

Глава 8

– Девчонки!

Возопила наша сдержанная и скромная Машка.

– Что это такое?

Вопящая Машка, размахивала блестящей золотистой открыточкой. Знакомые завитушки резали глаз: «вы попали в вашу любимую сказку «О мертвой Царевне и семи богатырях».

Мы ошеломленно огляделись. Пять существ сидели в гостиной, у Насти, там же где собирались вчера. На часах шесть, на столе чайные кружки, а мы, Боже мой! В каком мы виде! Настя в красивом сарафане, вышитой рубашке и алой ленте на пушистых кудрях. Машка вообще в чем-то парчовом, блестящем и в драгоценных камушках. Я, судя по всему тоже в платье Елены Премудрой так и переместилась, прямо из-за стола с волшебной книгой. А вот в креслах напротив сидели лебедь, и лягушка.

Маша

И как только девчонки не понимают, что сказки – это отражение народного мышления, были даже особые «бедняцкие» сказки, а были и «купеческие». Вот та же Пушкинская сказка «О мертвой царевне», в «народном» варианте там барышня такая оторва – всех разбойников отравила и к же-

ниху сама вернулась, да еще с деньгами, что бы он по ночам заикался. Ура, молодец девка! А вот кроткой царевне такое не полагается – только тихое лежание на лавке под образами, а потом в хрустальном гробике. Вздохнув и покрутившись, Маша скользнула в сон. Ах, как вкусно пахнет! Мария зажмурилась от удовольствия, ароматы были ее слабостью, и тут же услышала приторный старушечий голос:

– Просыпайся, лебедь белая, царь – батюшка к себе кличет.

Это что я под аудиокнигу уснула? Недоуменно принахмурилась Машка, не открывая глаз. А голос не унимался:

– Ясно солнышко по небу котится, а царевнушка вставать не торопится.

Маша с удивлением открыла глаза – и закричала, потом всхлипнув, перекрестилась. Над нею был высокий сводчатый потолок, и возлежала она не на Настасьиной софе, а на отдельном роскошном ложе. И к этому ложу склонялось нарумяненное и набельённое женское лицо с самой кровожадной улыбкой. От крика мамка шарахнулась, закрестилась, и пав на колени у икон громко зашептала молитвы, кося глазом на Машку. Поняв все правильно, Машка бухнулась на колени рядом, благо в храме бывала и «Отче наш» знала. Минут через двадцать, когда колени затекли до полной нестоячести набельённая женщина поднялась сама и помогла подняться Машке. Потом с поклонами проводила к высокому даже на вид неудобному креслу и захлопала в ла-

доши. Тут же набежала толпа – мамки, няньки, девки, шутихи. Утренний туалет царевны оказался тем еще цирком. Чистоплотная Машка мечтала о ванной, но будто угадав ее мысли, беленая тетка сказала, что ужо в баню после сговора пойдем, а пока к царю – батюшке поспешать надобно. В момент одевания в руках у Маши вместе с расшитым и отделанным кружевами платочком и оказалась та злосчастная открытка. Прочитав витые строчки, девушка судорожно сглотнула и в совершенном обалдении дала помощницам свести себя вниз, в большой белокаменный зал.

В центре зала стоял трон, по виду тоже весьма неудобный. Помня о приличествующей царевнам скромности, Мария старалась глаз не поднимать, а потому видела только трон, сидящего на троне царя и стоящего рядом человека в яркой и похоже иноземной одежде, во всяком случае, русских образцов подобной одежды Мария вспомнить не смогла, да и орнаменты на его одеждах были скорее восточные.

– Здравствуй дочь моя!

Загрохотал под сводами голос, похоже, фокус акустики был собран в точке над троном. Машка с помощью окружающих ее женщин низко поклонилась, ощущая, как под тяжестью одежд и украшений кровь приливает к лицу, и щеки начинают краснеть.

– Вот сватов прислал к нам, Елисей царевич, из земель заморских. Я за тебя слово дал. И приданое даю достойное царской дочери – семь торговых городов, да сто сорок тере-

мов!

Стоящие вдоль стен люди зашущукались, а Машке хватило сил только на то что бы поклониться. После этого настала темнота. Очнулась уже там, где проснулась утром. Дивный аромат вновь витал в воздухе – оказалось окно распахнуто в сад. Полежав и послушав причитание женщин:

– Вот от счастья то голубушку сморило!

Мария призадумалась: где то ведь тут мачеха должна обретаться, и чернавка, которая в лес поведет, надо срочно готовиться.

– Эээ...

Интеллигентная девушка не представляла, как нужно обратиться к собравшимся в комнате квохчущим дамам.

– Что царвнушка, что лебедь белая? Водички подать, али яблочко наливное?

Машка призадумалась, да и выдала нежнейшим голоском:

– Ох, мамушки мои – нянюшки, ох, девушки голубушки, ох сердечко в груди бьется, скачет, а и правда ли, что царь – батюшка меня молодешеньку просватать изволил?

– То, правда, то истина!

Загалдели разом тетки.

– А и когда же мне оплакивать мою волю девичью?

Все разом замолчали. Потом молодой неуверенный голос протянул:

– Так царь – батюшка ноне девичник собирать велел...

Опс, даже и на мачеху полюбоваться не успею что ль? Сра-

зу в лес?

– Ой, вы девушки мои красавицы, ой, вы любушки мои голубушки не покиньте меня в тоске моей печалюшке, – завела Машка волынку размышляя: где бы денег раздобыть на подкуп чернавки, да и на мачеху поглядеть стоит.

Тут двери распахнулись, и в них показалась целая армия, похоже, к девичнику жаждало приобщиться все женское население дворца. Сперва всей толпой пошли в баню. Огромные хоромы с низкими потолками вместили не всех желающих, но оказалось того и не требовалось, мыться помогают только незамужние девушки. Потом торжественно облачили Марию в рубаху, поверх накинули шубу и повели в огромную светлую горницу с большими окнами. По углам прятались прялки и пядьцы, вдоль стен стояли широкие лавки, а в центре большой стол с водруженным на него зеркальцем.

Возле стола стояла высокая очень красивая женщина с высокомерным породистым лицом. Ее тяжелое платье гранатового бархата было с большим вкусом расшито темным шнуром и драгоценными камнями. Волосы убраны под кичу, ненавязчиво намекающую на корону. Тончайшая шелковая фата не белая, а зеленая в тон глазам спускалась до кромки подола. Засмотревшись, Маша и не заметила, как ее усадили в кресло, чуть поудобнее утреннего. Разряженные боярышники завели грустные песни, а сразу две встали за спиной и принялись разбирать длинные волосы на пряди. Длинные? Машка постаралась оглянуться, и слезы выступили на гла-

зах, от пребольно дернутого узелка.

Она давным-давно носила волосы до плеч – черные жесткие кудри трудно было прочесать и с бальзамом, а уж после простого мытья со щелоком и листьями мяты из гребня должны были посыпаться деревянные зубья. Но тут боярышни явно разбирали нечто длинное, и как она не заметила? Недоумевающая Маша предпочла, однако не дергаться, а просто высидеть в кресле, сколько положено.

Песни пели длинные, со слезами и подвываниями. На каждую песню полагалось свое действие, чесание волос, заплетание косы, надевание украшений. Невесте полагалось тихо плакать и улыбаясь сквозь слезы желать подружкам такой же судьбы.

Реветь сначала не хотелось, Маша жадно рассматривала обстановку, костюмы, вслушивалась в слова песен и общую мелодику. Но тут к ее волосам подобрались две новые девушки, и слезы сами потекли из глаз – ей так оттянули волосы назад, что карие, словно вишни глаза превратились в раскосые щелочки.

По знаку мачехи столик заставили баночками с румянами да белилами, и принялись штукатурить ими Машку, да так старательно, словно скульптуру вылепить хотели. Потом в дело пошла сурьма – зачем чернобровой девушке замазывать брови белилами, а затем рисовать их сверху? Молчать становилось все труднее, и Машка принялась подвывать в голос, особенно после того, как увидела себя краем глаза в зеркале.

Они что всерьез собираются королевичу такое в жены предложить? Однако слишком долго подвывать ей тоже не едали – сунули в рот липучую плитку орехов в меду. Зубы сразу склеились намертво, и из-под фаты доносилось лишь тонкое скуление, почти заглушаемое пением. Одев и обув невесту, торжественно проводили в спальню – свадьба откладывалась до приезда королевича, что в прочем Машку нисколько не огорчало.

Умывшись и скинув на лавку большую часть одеяний, она по-тихому велела молодой крепкой бабенке принести с кухни простой сарафан, рубаху, лапти, и лукошко побольше. На удивленно вытаращенные глаза заявила:

– Притомили меня гулянки девичьи, развеяться хочу, в лес по грибы собраться.

Покивав головой, бабенка скоро вернулась с заказанным, вещи были явно новые, даже пахли приятным холодком и крапивой, видно в кладовой лежали.

– Ступай еще раз на кухню, – велела Машка, – принеси хлеба каравай, туес квасу холодного, да мяса али творогу поболее, и огурчиковхвати, пригодятся!

Чернавка убежала. А Машка принялась отбирать наименее заметные украшения из шкатулки стоящей на столике рядом с гребнями и маленьким ручным зеркальцем. Чего только тут не было, правда, в основном серебро, золото незамужней царевне все ж не часто полагалось. Тяжелые, изукрашенные зернью зарукавья браслеты, девушка сразу отложила

– по полкило серебра на руках таскать не годится в дальнем походе. Длинные подвески – колты тоже убрала в сторону, в лес пойдет в платке, незачем голову нагружать. А вот мелкие цепочки и привесками, булавки, тоненькие браслетики, похоже, детские забрала все. Кое – что надела или прицепила к нижней рубаше, кое-что пришпилила к подолу сарафана, а остальное завернула в вышитую ширинку:

– Узелок будет, рядом с хлебом и мясом в лукошке спрячу, – подумала Маша и собралась укладываться, когда, наконец, объявилась прячущая глаза женщина.

Осмотрев груженный как для трех голодных мужиков поднос, Машка-царевна объявила ласковым голоском:

– Выбери милая, что понравиться, да в узелок собери, завтра с тобой по грибы раненько пойдем, что б дорогой покушать можно было.

Побледневшая служанка быстро увязала в узелок ковригу хлеба, полотняный мешочек творога и бадейку с квасом, остальное Машка разделила пополам сейчас – и накормила косящую нервным голубым глазом чернавку.

– Так утром не опаздывай, милая, как первые петухи спуют – заходи!

Чернавка выбежала из горницы в слезах. Машка еще раз на прощание обошла комнату, полюбовалась каменными кружевами сводов, резными узорами скамей и прялок. А уж затейливая ковка сундуков ее и вовсе очаровала, даже зарисовать кое-что захотелось. Но, увы, завтра ожидался тя-

желый день. И Машка решительно стала присматриваться к остаткам своего наряда – как бы побыстрее разоблачиться?

В этом крыле дворца царила какая-то напряженная тишина – ни одна мамка не заглянула в покои царевны перед сном, что вообще нонсенс! Даже нянька не пришла сказку рассказать, и таз с водой после умывания так и стоял сиротливо в углу. Повозившись с застежками, Машка плюнула на это дело и собралась спать – одежда просторная, выспится, как – ни будь. Кровать высокая, и мягкая, девушка поерзала, ой, что-то мешает. Отвернув подушку Мария, увидела небольшой овал в серебристой оправе, подвеска? Оказалось – портрет. Зеленоглазый вьюнош с небольшой светлой бородкой и усами в одеждах похожих на те, что были на человеке возле трона, только орнаменты строже. Маша с любопытством стала рассматривать изображение. Нарисовано, конечно, своеобразно, миниатюрная живопись требует совсем иных навыков, нежели парадный портрет. Но вот выражение лица – решительное, с легкой усмешкой на алых губах Машке почему-то понравилось. Странно, раньше она считала, что усы никому кроме ее отца не идут, и вообще предпочитала общаться даже по делу с робкими прыщавыми парнями первокурсниками. А этому мужчине было не меньше двадцати восьми, а то и тридцати лет. Задумавшись Маша укуталась в тонкое шелковое покрывало и спрятав портрет обратно под подушку уснула.

Глава 9

Быстрее всех среагировала Аленка:

– Так, девушки, спокойно! Такие открытки все получали? Девчонки кивнули, лягушка и лебедь – нет.

– Ну вам, наверное, некуда было их подложить, получите еще. Значит, мы все попали в сказки, которые назвали любимыми. И судя по тому, что здесь мы в сказочном облике, мы туда еще вернемся. Быстренько рассказывайте – у всех сказки идут четко по книгам, или есть изменения?

Подружки задумались, первой высказалась Лилька:

– Да, в общем, по тексту, но пока я текст проговариваю, много интересного вижу.

– И у меня по тексту, – вздохнула Васька, – кто ж знал, что этому царевичу пятнадцать лет?

– А сделать что-нибудь вне сказки не пробовала? – Поинтересовалась Аленка у Царевны – Лебеди.

– Мне сейчас как-то город перемещать надо! На остров Буян! Трубно крикнула Лилька, маша руками как крыльями.

Машка лишь криво улыбнулась, ее проблемы еще только начинались. Настя задумчиво оглядывала комнату и молчала.

– Ладно, предлагаю проверить, можем ли мы отсюда что-нибудь взять в сказку, но вот что можно с собой взять?

Настя, оглядевшись, предложила:

– Нужно что-нибудь маленькое, и то что будет смотреться органично, кроме того лягушке и лебеди еще и как-то это нести нужно. Может колечки для начала?

– Я бы ручку нормальную лучше взяла, или карандаш хотя бы, достало уже пером шкрябать. Вздохнула Аленка.

– Ну ты возьми карандаши, вон у меня полная коробка, согласилась Настя, еще кому чего?

– Мне бы рюкзачок, просяще протянула Машка, а то с лукошком я далеко не уйду.

Настя на секунду задумалась – и сбегав в прихожую принесла изящный кожаный рюкзачок с отстегивающимся дном. Машка внимательно осмотрела его, проверила, как ходят «молнии» и благодарно кивнула. Потом, вспомнив любовь Настасьи к всевозможным побрякушкам, сняла с руки серебряный браслетик:

– Тебе, на замену, заодно проверим, могут ли здесь сохраняться материальные объекты из сказок.

Девчонки все хором ахнули – ну Машка, ну молодец! Ни одной такое в голову не пришло!

Васька хлюпнула носом, Лилька тоже пожалала крыльями – ни взять, ни оставить ничего в таком облике нельзя. Аленка сгребла в кучу половину Настиных карандашей и пару тетрадок, а взамен подумав, оставила пару пуговиц и чуть покраснев, сказал:

– Понравились очень, красивые.

Девчонки только кивнули и посмотрели на Настю, та оде-

тая в простой сарафан с костяными пуговицами и вышитую сорочку перебирала журналы по рукоделию, которые девочки покупали еще в школьные времена вскладчину.

– Насть, что ищешь – то?

Полюбопытствовала Василиса, раньше Настя больше вязанием увлекалась, да и то дальше шарфиков и носков дело не ушло.

– Вышивку ищу, такую, где всякие там жемчужинки, камушки и прочая лабуда.

– А, так ты не то смотришь, это вышивка золотом, помнишь, я маме клатч расшивала? Это в книге было.

Лягушка бодренько доскакала до старого книжного шкафа из ДСП и стекла.

– Вот, тут описание, техника, и виды узоров.

Поблагодарив, Настя прижала к себе книгу.

– Давайте хоть чаю попьем, вздохнула Лилька, меня там не кормят совсем. Настя, засунув книгу за красивый плетеный поясок пошла к столу, разливать чай, заодно покрошила Лильке на блюдечко печенье. Лягушка тоже хотела сладкого, но выбрала недоеденный торт.

– Девочки, не унималась Алена, а какое сегодня число?

– Возьми телефон и посмотри, буркнула Лилька, гоняя по тарелочке кусок печенья.

– Точно!

Хлопнув себя по лбу, Аленка нашла свою сумку и глянула на экран:

– Девочки, телефон показывает шесть утра воскресенья, сейчас будильник прозвонит...

Мобильник действительно задержался в ее руке и удивленно переглянувшиеся подруги медленно растаяли в воздухе.

Волшебник, услышав звонок будильника, проснулся и потерял руки, а хорошо он заклинание составил, потери во времени почти нет, к понедельнику девушки либо логически завершат сказки и вернуться в обычный мир, либо их просто выбросит обратно, как не справившихся. Ведь не зря говорить «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»! Вот и будет урок, девицам...

Глава 10

Комната поплыла перед глазами, и Лилька вновь увидела себя там, откуда перенеслась в гостиную – на каменном зубце стены, окружающей город. Город был большим и красивым, «С златоглавыми церквями, с теремами и садами». И теперь срочно требовалось придумать, как же его перенести на остров Буян?

Задумавшись, Лилька принялась расхаживать, переваливаясь с ноги на ногу по широкой каменной кладке, стараясь не смотреть вниз. Как, ну как можно перенести целый город? Раздраженно махнув крылом, она вдруг начала заваливаться назад, и едва удержалась, схватившись руками за каменный парапет. Схватившись? Ну да, руками! Отдышавшись, Лилия оглядела себя – белое платье из ткани с рисунком, напоминающим перья, длинные легкие рукава охватывают руки узкими манжетами у кисти. На голове похоже что-то тяжелое с длинными жемчужными бусами до самых плеч. И коса! Длиннющая черная коса до самого низа платья! А волос длиннее, чем до ушей Лилия отродясь не носила, даже в садике. Жаль, зеркала нет, на себя такую полюбоваться.

– А!

Лилька привычно махнула рукой, и вдруг воздух перед нею сгустился, капельки воды пробежали волной и образовали зеркало! Тонкую почти неподвижную пленку, висящую

в воздухе. Лилия собой залюбовалась: вот значит, какой она, может быть! Вместо привычной челки – бисерная понизь стекающая капельками к красиво изогнутым бровям, Высокий кокошник с резными краями, будто инеем серебрится вязью вышивки и мелкого жемчуга, более крупные бусины свисают длинными полосками до плеч, заменяя серьги и подчеркивая овал лица. Еще более крупные жемчужины в два ряда обнимают шею, а третий ряд слегка свисает на грудь, укутанную белым мехом накидки, что впрочем, лишним не кажется – рассвет на побережье не ласковый. Продолжая рассматривать себя в зеркале и любоваться, Лилька размышляла:

– Ну вот, я превратилась в Царевну – Лебедь, а что я для этого сделала? Крылом махнула, и? А, и подумала, что надоело на птичьих лапах ковылять. А зеркало как? Да просто захотела и рукой махнула. Значит и город так можно?

В задумчивости Лилия принялась расхаживать по широкой крепостной стене, движением руки убрав зеркало.

– Просто так перенести город и установить его на нужном месте нельзя – что-то может по дороге рассыпаться, развалиться, или того хуже сломаться. Значит нужно паковать. Задача номер один – упаковка.

Лилька как привыкла, принялась составлять себе алгоритм действий.

– Следующий вопрос – транспортировка. В общем, лебедь птица сильная, лететь тут не очень далеко, даже кругами ча-

са за три добралась. И третье – размещение города на острове с учетом рельефа и прочее, думаю, если правильно упакую, с этим проблем не возникнет. Вот только привычка, накрепко привитая бизнесом на просторах России – сначала узнать все лично. Вновь сотворив зеркало, Лилька решила немного изменить внешность – этакой цацей идти в город бесполезно. Что бы придумать? Проведя несколько раз руками по поверхности зеркала, Лилька переделала одежду во что-то балахонистое, бурое, и замотанное в яркие цветастые шали по самые брови. Идти было очень удобно – на ногах оказались мягкие остроносые сапожки, на каблуке. Чуть перекосившись, Лилька «пошла в народ». Бродить долго времени не было, но по рынку она пробежала, вышла к городской площади для собраний, увидела, как народ одевается, чем торгует и кто здесь правит. Оказалось, что единого правителя нет – скончался не оставив наследника, но есть предсказание, согласно которому новый правитель войдет в ворота на рассвете в день солнцестояния, ровно через год после смерти прежнего.

– А когда это будет, солнцестояние – то?

– Так завтра! Ужо и колымаги приготовили, до ворот то долгонько идти, в каретах сподручнее.

Словоохотливая торговка пирожками пока Лилька обедала, рассказала ей во всех подробностях об ожидаемом празднике.

– Ну значит переносить сегодня придется, вздохнула де-

вушка про себя, поблагодарила женщину и оставила ей вынутую из воздуха серебряную монету.

Отыскав спокойный уголок в маленькой рощице окружающей прудик с плещущимися гусями, перекинулась в лебедку и взлетела.

Васька

Лягушка судорожно дернула лапками и открыла глаза. Вчерашняя старуха шебаршилась по комнате, собирая какие-то ей одной ведомые вещи. Увидев, что лягушка уселась на кукольной кровати подошла и спросила:

– Тебе мух наловить, али комарами обойдешься?

– Да вы что!

Чуть не свалилась с постели Васька.

– Молока хоть дайте, да хлебушка.

Старуха, кивнув, вышла и вскоре вернулась с блюдечком – покрошив туда не слишком белую булку, плеснула молока из крынки, и придвинула к Василисе.

– Умываться будешь?

– Буду, кивнула лягушка, и мне бы, наверное, маслом немножко смазаться, кожу тянет.

Вскоре ключница принесла миску поглубже и налила туда воды, а еще принесла сметаны.

– Девки то чаще сметаной мажутся, пояснила она изумленной лягушке, кожа белее будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.